

Борис Штоколов считает, *Смена. - С.-Пб. - 1995. - 18 марта. - с. 4.* ЧТО ОН РОДИЛСЯ ЗАНОВО

СЕГОДНЯ в Лиговском народном доме состоится юбилейный вечер народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Бориса Штоколова, посвященный 45-летию его творческой деятельности. В программе праздничного концерта - итальянские песни "Вернись в Сорренто", "Ты не плачь", "Мое солнце"... Конечно же, прозвучат и "Гори, гори, моя звезда", "Из-за острова на стрежень" и оперные арии.

НА ЮБИЛЕЙНОМ вечере можно будет приобрести только что вышедшую из печати книгу Штоколова "Гори, гори, моя звезда". И кроме того Борис Тимофеевич покажет то, чего не может ни один бас мира дважды в "Моем солнце" прозвучит трель. Это очень сложный вокальный трюк, точно такой же как и колоссальное крещендо, которым Штоколов обещает порадовать своих слушателей в русской народной песне "Эй ухнем!"

Почему же юбилейный вечер Бориса Штоколова некогда блиставшего на сценах величайших театров Франции и США, Канады и Испании, Швеции и Италии, Швейцарии и Германии, Англии, Австралии и многих других стран мира проходит на сцене ДК железнодорожников? Ну а где еще на берегах Невы можно арендовать концертный зал за бесценок? Билеты для блокадников и ветеранов войны стоят всего по три тысячи, а для студентов Консерватории и Театральной Академии вообще по тысяче.

Вечер на сцене Мариинки обошелся же юбиляру, мягко говоря в кругленькую сумму. При том, что Борис Штоколов отдал этому театру тридцать с лишним лет.

Это были счастливейшие дни в моей жизни. Почему же я ушел из Кировского? Надоели все эти интриги мадридского двора. К тому же, я тогда вокалом серьезно занялся, гастроли за гастролями, новая жизнь началась. А мне говорят "Борис Тимофеевич, возможно, где-то через месяц или через два у вас будет спектакль, если наш новый стажер не справится с ролью". Да на кой хрен мне это было надо? Дайте мне свободу! И я ушел.

Я все отдал театру. Сколько же можно? Да, оперный театр это высшее искусство, это син-

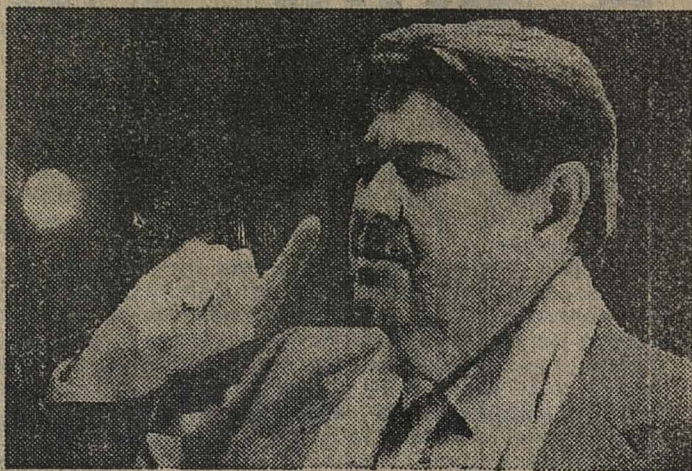
тез искусств, требующий полной самоотдачи. А я к тому времени понял, что не умею петь, хотя достиг всех званий, самых почетных и престижных в нашей стране. Мне 19 марта 65 лет стукнет, а я радуюсь как ребенок, ведь только сейчас я начинаю покорять вершины вокального профессионального мастерства. Я заново родился как вокалист. Искусство пения это величайшая радость.

Сегодня я с гордостью могу сказать, что раскрыл тайну бельканто, и случилось это благодаря моему негласному учителю и педагогу Энрико Карузо. Сорок лет занятий по его "самому учителю" дают мне право так говорить. Я расширил его идеи и написал о них более подробно. Этой тайны пока не раскрыл никто. Я обязательно переведу свою книгу на английский и на итальянский, чтобы вернуть Италию их же школу.

Мариинский театр даже не вспомнил о юбиляре. Сам же Борис Тимофеевич не намекал. Правда когда в городе появились афиши юбилейного вечера, в театре зашевелились и только сделали вид, что вопрос прорабатывается.

Петь Штоколов начал с детства. Пел на корабле в школе юнг на Соловах, в спецшколе ВВС, куда его "распределили" по сталинскому приказу. На выпускном вечере его услышал Георгий Константинович Жуков. "Таких курсантов, как вы, Штоколов, в авиации много. А вам надо петь, у вас талант". И откомандировали летчика Штоколова в Уральскую консерваторию имени Мусоргского. Учиться было непросто, приходилось подрабатывать электриком.

В 1950 году вместе с Юрием Гуляевым они получили концертные ставки по сто рублей, а вместе с тем и право на официальные выступления. Но голодные неразлучные друзья

еще и до этого подхалтуривали по приглашению своих свердловских оперных корифеев-коллег. Гуляев пел тогда тенором, а Штоколов баритон. Только на втором курсе на экзамене заведующий кафедрой обрушился с тирадой на горе-педагогов.

Что же вы его мучаете? Это же бас! И какой бас, контанто! С педагогами Штоколову вообще не везло.

Я считаю, говорит Борис Тимофеевич, что никакой советской или российской вокальной школы не существует. В мире есть одна единственная итальянская. Но и она сегодня утрачена. Даже в Ла Скала никто не даст гарантии ни одному самому талантливому стажеру. Сейчас там существует масса школ от школы "рыка" до школы "рвоты". Человеческий голос самый сложный инструмент. Владеть им умеют лишь единицы, а управлять и того меньше. Это величайшее искусство. И в эстраде то же самое. Я люблю Элвиса Пресли и Френка Синатру. Это голоса! И какие настоящие!

Встает Борис Тимофеевич поздно. Ровно в 11 00 выходит к роялю босиком, в трусах, и начинает петь. Обязательно на голодный желудок. Гоняет звук вверх и вниз до самого предела. Как ребенок радуется, когда все ноты легко звучат. Дыхание держит ремень широкий, кожаный офицерский. Этот

ремень лет тридцать назад ему Лисициан подарил.

Сейчас в консерватории студенты делают одолжение, если ходят на занятие. Я и не хочу таких учеников! Если ты хочешь научиться петь - бегай за мной, спрашивай. Иди сначала почисти у меня ботинки. Я хотел научиться петь и бежал за Павлом Герасимовичем Лисицианом, носил его чемодан, да с удовольствием. И поклонники растапливали. Потому что он со мной занимался, потому что именно он показал как раскрывать верхнюю ноту. Только такой студент научится петь. А гордый, себялюбивый - никогда.

Чтобы приобщиться к тайне голоса, мне потребовались годы каторжного труда.

Счастье мое началось три года назад, когда в октябре я сделал первый раз трель. Было это в Нарьян-Маре, у Ледовитого океана, в какой-то детской музыкальной школе. Я был так рад, что готов был голым задом танцевать на льдине. Я был рад, что моя жизнь не пропала даром. Теперь я эту трель запишу на лазерный диск. И все буду переписывать заново: все арии и песни с оркестром. Вот, может быть, Юрий Шевчук и его студия в Лиговском народном доме помогут. Есть такое предложение.

Павел МАРКИН
Фото автора